

## ЧЕМ СОВРЕМЕНЕН НЕКРАСОВ

28 ноября 2006 года исполнилось 185 лет Николаю Некрасову. К моему изумлению, наше ТВ никак не отозвалось на эту дату, даже канал «Культура». Смотрю в календаре, кто родился в этот день: Блок, Цвейг, Симонов, Лихачёв. Всем им было воздано по заслугам. А где же Некрасов?!

Всю эту и предыдущую неделю по ТВ идёт документальный сериал И. Волгина о Достоевском. А ведь Достоевский чуть ни весь – из Некрасова! И «Еду ли ночью по улице тёмной», из которого впоследствии выросла история Сонечки Мармеладовой. В «Подростке» сцена с матерью в пансионе Тушара настолько некрасовская по тону, что в памяти сливается с его «Рыцарем на час» и всеми обращениями Некрасова к матери: «Повидайся со мною, родимая, появишься лёгкой тенью на миг!» Или некрасовский цикл «На улице», где во многих уличных сценках предвосхищены образы, сюжеты, мотивы будущего романа «Преступление и наказание». Так, знаменитый сон-наваждение Раскольниковова навеян стихотворением Некрасова об избииении лошади. («Вот она зашаталась и встала.// «Ну!» – погонщик полено схватил// показалось кнута ему мало// – и уж бил её, бил её, бил!»). Кстати, А.Кушнер в одном из своих стихов отмечает, что слово «нервный» пришло в нашу речь именно из некрасовской музыки:

Слово «нервный» сравнительно поздно  
появилось у нас в словаре –  
у некрасовской музыки нервной  
в петербургском промозглом дворе.  
Даже лошадь нервически скоро  
в его желчном трёхсложнике шла...

Или стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...», на полемике с которым Достоевский построил всю вторую часть «Записок из подполья», цитируя его и в «Селе Степанчиково», и в «Братьях Карамазовых». Это же стихотворение предвосхитило и знаменитую «Яму» Куприна, его заключительные строки цитирует там один из героев.

Вообще из некрасовской музыки, как из гоголевской «Шинели», выросли многие великие русские поэты. Л.Гинзбург отмечала влияние некрасовской любовной лирики на лирику Ахматовой. Ей она была очень близка – нервная, с её городскими конфликтами, с разговорной интеллигентской речью. В Пастернаке очень много некрасовской школы, особенно в цикле «Когда разгуляется»:

Широко, широко, широко  
раскинулись речка и луг.  
Пора сенокоса, толока,  
страда, суматоха вокруг.  
Косцам у речного протока  
заглядываться недосуг.

Так и тянет продолжить:

...не вся ещё рожь свезена,  
но сжата: полегче им стало.  
Свозили снопы мужики,  
и Дарья картофель копала  
с соседних полос у реки.

Из Некрасова вышли и Блок с его цыганским надрывом, с пронзительным осенним свистом ветра и поезда, и обэриуты с их пародийной торжественной важностью и нарочито сниженной лексикой, и футуристы с их карикатурами, прозаизмами и неологизмами. Маяковский, цитируя «Современников», вслух изумлялся: «Неужели это не я написал?»

И вот забыт. Стал не нужен. Не моден. Не вписывается в канву нового времени. Ну что за атавизм, в самом деле, это «Поэт и гражданин»? Кто всерьёз способен сегодня внять тем призывам кануна 60-х позапрошлого века: «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденья, за любовь!» А ведь как не хватает нам сейчас этой высокой нравственной установки. Ибо у многих ныне, к нашему стыду, акцент в любви сместился на себя, вся активность направлена на загребание под себя, на самообогащение. И нас уже не раздражает чья-то циничная ухмылочка, с которой все превращают в расхожие – строки: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Так на наших глазах до протокольно-милицейского смысла низводится слово, которое обозначало высокое служение Родине и таковым было завещано нам.

Некрасова многие воспринимают с колоссальным предубеждением. Дескать, хрестоматийная фигура. А между тем это не хрестоматийный поэт, а явление куда более глубокое и масштабное.

Пускай нам говорит изменчивая мода,  
что тема старая «страдания народа»,  
и что поэзия забыть её должна.

Не верьте, юноши! Не стареет она.  
О, если бы её могли состарить годы!  
Процвёл бы Божий мир!

Да уж, действительно. Тема эта, видимо, никогда не устареет. И вообще многое в стихах Некрасова – как будто переключка с нашими

днями. Вырубаются леса, по которым мы уже не плачем. Всё так же стонут Орины, солдатские матери. Всё так же безуспешно ходоки обивают пороги Парадных подъездов.

Толпе напоминать, что бедствует народ,  
в то время, как она ликует и поёт,  
к народу возбуждать вниманье сильных мира –  
чему достойнее служить могла бы лира?

Где они – наши народные заступники, наши новые Некрасовы? Хотя всё новое – это, как известно, лишь хорошо забытое старое. Поэзия Некрасова и сейчас – стоит лишь вчитаться повнимательней – ощущается как живое, насущное явление. Причин для этого много. И, может быть, главная – высота нравственного примера. Темы, как бы значительны они ни были, устаревают, отменяются. Но нравственные критерии, и, прежде всего, сострадание к чужим несчастьям – остаются. Вот послушайте, как современно звучат эти строки, вроде бы навязшие в зубах со школьных лет:

Средь мира дольного  
для сердца вольного  
есть два пути.

Взвесь силу гордую,  
взвесь волю твёрдую –  
каким идти?

Одна просторная  
дорога – торная,  
страстей раба.

По ней громадная  
к соблазну жадная  
идёт толпа.

О жизни искренней,  
о цели выпрренной  
там мысль смешна.

Кипит там вечная  
бесчеловечная  
вражда-война

за блага бранные...  
Там души пленные  
полны греха.

На вид блестящая –  
там жизнь мертвящая,  
к добру глуха.

Другая – тесная  
дорога, честная,  
по ней идут

лишь души сильные,  
любвеобильные,  
на бой, на труд.

Иди к униженным,  
иди к обиженным,  
по их стопам,

где трудно дышится,  
где горе слышится,  
будь первый там!

Пушкин любил блеск, полноту и радость жизни, он был певцом как бы освещенной солнцем части мира. Некрасов был певцом неосвещенной половины. Его, как и его ровесника и современника Достоевского, занимало несчастье людей, унижение и оскорбление человека. Он был защитником неудачливых, неустроенных, отчаявшихся. «Друг беззащитный, больной и бездомный», – вот к кому обращался поэт. Он жалел и любил робких, неловких, неуверенных, кто говорил о себе: «А вот я-то войду как потерянный, и ударится в пятки душа!» «Улыбнись – непроворная, жёсткая, не в улыбку улыбка моя».

Дело не в том, что Некрасов сыграл в своё время определённую роль, а в том, что он жив до сих пор – как Пушкин, Лермонтов или Тютчев. Наша история – это наши художники, внушавшие и внушившие нам наш образ. Значит, и мы – это они. Так что возникающий время от времени бунт против них, обещания сбросить с борта парохода или приговорить к насильственному забвению – наивность и глупость. Как бы кто ни пытался – два пальца в рот и изрыгнуть: кто Чернышевского, кто Горького, кто Некрасова – поздно. Это уже вошло в состав нашей крови.

Дни идут... всё так же воздух душен,  
дряхлый мир – на роковом пути...  
Человек – до ужаса бездушен,  
слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом  
ни людей, ни века не кляни:  
волю дав лирическим порывам,  
изойдёшь слезами в наши дни...

Это писалось в 1877 году. А как будто сейчас... Или это:

Горе! Горе! Хищник смелый  
ворвался в толпу!  
Где же Руси неумелой  
выдержать борьбу?

...Плутократ, как караульный,  
станет на часах,  
и пойдёт грабёж огульный,  
и случится – крррах!

Это из поэмы «Современники». А как будто о наших современниках речь.

Где вы – певцы любви, свободы, мира  
и доблести? Век «крови и меча»!  
На трон земли ты посадил банкира,  
провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»  
И нет певцов... Замолкло божество...  
О, кто ж теперь напомнит человеку  
высокое призвание его?

Прости слепцам, художник вдохновенный,  
и возвратись! Волшебный факел свой,  
погашенный рукою дерзновенной,  
вновь засвети над гибнущей толпой!

И уж совсем в наши дни корнями уходит стихотворение о так называемых переменах:

Новое время – свободы, движенья,  
земства, железных путей.  
Что ж я не вижу следов обновленья  
в бедной отчизне моей?

Многие строки Некрасова звучат удивительно современно. Вот, например, такой экспромт: «Плохо, братцы, беда близко: арестован наш Огрызко». Я прямо вздрогнула, когда прочла. Здесь-то имелся в виду видный деятель польского национально-освободительного движения, близкого к революционному демократическому лагерю. А у меня сразу ассоциация возникла с редактором литературного еженедельника «Литературная Россия». И на манер Некрасова в голове сложился такой перепев темы: «Плохо, братцы, беда близко: снова пишет наш Огрызко».

Словом, Некрасов – сегодня приходится это признать, – ещё один прекрасный забытый поэт – и хорошо, что забытый! С него сошёл хрестоматийный глянец, и он готов опять послужить поэзии, избавившись от литературных чинов и школьных ярлыков.